

*Не стой над моею могилой в слезах.
Меня здесь нет, и я не прах.*

Надпись на могильном камне

Часть первая

АНТОН СКРОБОВ

ПРЕДЫСТОРИЯ

Таня и Антон чистили зубы и полоскали рот. Час назад они уже совершили гигиенические процедуры — в плановом вечернем порядке. Теперь им пришлось делать это второй раз, в наказание за плохие слова и под строгим присмотром мамы, которой звук телевизора не мешал уловить, что в детской разгорелась подушечная война. Мама отложила вязанье и пришла к ним. Несколько секунд слушала обмен комплиментами: «дура — сам придурок, debil — вонючка, гадина — червяк навозный»... Наблюдала за полетом постельных принадлежностей и игрушек, попадавших точно в цель, то есть в лицо сына и тут же в физиономию дочери, по причине близкого расстояния между кроватями. Мама встала на линию огня и противно-строгим голосом, когда строгий, ее голос всегда противный, крикнула:

— Прекратить! Это еще что такое!

Даже не разобравшись, кто зачинщик и виновный, сразу потащила деток в ванную сдирать с языков и зубов следы бранных слов.

Семилетняя Танька, дылда, на голову возвышается над раковиной. А пятилетний Антон подбородком елозит по мокрому холодному краю раковины. Танька незаметно пинает брата ногой и цедит, отвернувшись от мамы, белыми пенистыми губами:

— Кретин!

У Антона изо рта вырывается фонтан зубной пасты, обильно разбавленный слюной, и он вопит:

— Скотина гадская!

— Так, — сердится мама, — значит, не хотите успокоиться? Хотите, чтобы плохие слова навечно у вас во рту остались? Тогда будем их глотать. Рыбьим жиром запивать. Каждому по ложке!

— Она первая! — Голос у Антона дрожит от подступивших слез. — Танька первая обзывалась! Сволочь!

— Две ложки! — Мама неумолима.

Она поворачивается и успевает увидеть обидную рожу, которую Танька брату скорчила.

— А тебе, как старшей сестре, которая должна хороший пример показывать, — три ложки!

Антон шмыгает носом, втягивая не успевшие пролиться слезы. Теперь плакать нечего — справедливость восторжествовала, Таньке хуже досталось.

Рыбий жир — самая отвратительная вещь на свете. Проглотишь его — и уже ничего не хочется, даже Танькиной смерти. Антон часто думал: почему рыбий жир не используют как смертельное оружие? Им, например, армии противника можно поливать или секретные тайны у шпионов выпытывать. Однажды Антон с сестрой поделился, у них тогда мирный период был, кивнул на экран телевизора, где носились бойцы и стреляли.

— Я бы на плохих рыбьим жиром, из шланга. Вж-ж-ж... и готово.

— Тогда бы кино быстро кончилось, — разумно заметила Танька.

Она права. Рыбий жир в больших количествах способен убить жизнь на планете Земля в считанные мгновения.

Вот и сейчас, после тошнотворного наказания, ни у Антона, ни у Таньки нет настроения ругаться. С помощью мамы привели кровати в порядок, накрылись одеялами. Мама присела у Танькиного стола. Танька в школу ходит, ей стол полагается — предмет острой зависти и регулярных налетов Антона.

— Итак? — спрашивает мама. — Какова причина боевых действий?

— Как она, так мечтает, — бурчит Антон, — а как я, так — нет.

— Что делает? — не понимает мама.

— Мечтаю-у-у! — гордо и вызывающе нараспев тянет сестра.

— Потому что ду... — Антону хочется сказать «дура», но рыба отрывка напоминает о каре за плохие слова, — ду... думать, — выкручивается он, — не умеет. Думать — это когда кто-то внутри твоей головы твоим голосом говорит, — поясняет он.

— Ой, удивил! — ехидно кривится Танька. — Думать и мечтать совершенно по-разному надо.

— О чем же ты мечтаешь? — спрашивает мама дочь.

— Как будто я принцесса или королева, — хвастается Танька. — У меня платьев много, и карета, и замок, озеро с лебедями и балы, балы!..

— Было бы странно, — мама ласково улыбается Антону, — если бы ты, сынок, тоже мечтал стать принцессой.

— А он танкистом не мечтает, водолазом не мечтает, даже космонавтом — никем! — доносит Танька. — Скажи!

Антон обреченно кивает и смотрит с надеждой на маму.

— Просто ты еще маленький, — успокаивает она.

— Я в его возрасте, — не унимается сестра, — мечтала участвовать в детском эстрадном конкурсе, как я на сцене пою с микрофоном, а все аплодируют, аплодируют...

— Гадина! — шепчет Антон, уткнувшись лицом в подушку.

Мама решила, что он плачет, подседа, гладит по спине:

— Не расстраивайся, мой хороший! Ты обязательно научишься мечтать. Подрастешь и будешь мечтать.

— А если не научусь? — допытывается Антон.

— Тогда в твоей жизни случится что-то совершенно необыкновенное и волшебное.

* * *

Мечтать Антон так и не научился. Сестра, в добром расположении духа, его жалела и пыталась обучить нехитрой науке.

— Допустим, летчик, — шептала она с соседней кровати. — Ты летчиком хочешь? Закрой глаза и представляй. Вот ты в костюме, весь кожаный, тебе дают шлем, ты идешь по аэродрому, ветер треплет твои волосы и приятно холодит мускулистую спину...

— Я же в шлеме и в коже?

— Не перебивай! Воображай дальше. Вот ты подходишь к винтокрылой машине, все вокруг отдают тебе честь, ты забираешься в кабину, крутишь баранку и взлетаешь в небо...

В самолете нет баранки, хочется сказать Антону, но молчит, изо всех сил жмурится... Нет, ничего не видит!

— Получилось? — Танька приподнимается на локте. Антон качает головой.

— Урод! — Сестра падает на подушку. — Ну хоть что-то у тебя стоит перед глазами?

— Все темно и серо, как выключенный телевизор. — Антон делает вид, будто не услышал «урода». — Давай еще раз попробуем?

— Ладно, — великодушно соглашается Таня. — Теперь ты ниндзя, неуязвимый японский супермен, весь в черном...

Безуспешные попытки разбудить у него воображение они бросили, когда Антону исполнилось тринадцать лет, Татьяне соответственно пятнадцать. Антон прекрасно существовал и без воображения, а Танька теперь решительно отказывалась делиться своими мечтами. Пророческое предсказание мамы о волшебных событиях тоже стерлось в памяти.

Но они все-таки случились.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Антон старательно обходил лужи. Почему во всем мире асфальт защищает от грязи, а у нас распределяет ее по коварным ловушкам? Новые туфли, двести долларов пара, промажешь — плакали денежки. Ботинки намокнут, а высохнув, скорчатся, как горбушки бородинского хлеба. Хлеб он, кстати, забыл купить. Есть ли в доме еда? Кажется, в морозильнике сардельки завалялись и брикет фарша полгода каменеет. Еще столько же пролежит, размораживать его и лепить котлеты недосуг.

Освещение между домами только то, что льется из окон. Частоколы и зигзаги пятиэтажек, детские площадки, шеренги гаражей-ракушек — здесь ориентируются лишь аборигены. Пришлые могут часами кружить в по-

искал нужного дома. Лена, последняя пассия Антона, две недели назад, воскресным утром вышла сигареты купить. И не вернулась. Он телефон отключил, чтобы не названивала и маршрут не выпрашивала. А без лоцмана и точного адреса найти его дом в силах только чемпион по ориентированию на урбанистической местности. Лена — не чемпион. Милая девушка, приятная во многих отношениях. Но уж больно серьезная и правильная. Пальчики и кончик носика холодные, губки строгой складочкой, любовью занимается сосредоточенно, будто диссертацию набело перепечатывает. В трусах и с голым пузом при ней не пошастаешь. Антону же хотелось воскресного расслабона — в семейных трусах на диване с газеткой, с глупым боевиком по телику и без умных речей о разнице аудиального и кинестетического типов восприятия вербальной информации. Словом, Леночка ушла и сгинула. Отыскивать ее, каяться, извиняться Антон не торопился.

Он долавировал до своего подъезда. Как обычно, рядом прогуливалась Ирина Сергеевна, соседка с первого этажа. Антон поздоровался.

— Поздно работаешь, — отозвалась соседка. — Деньги, наверно, гребешь?

— Лопатой, — подтвердил Антон.

— У порога яма, — предупредила соседка, — сантехники сегодня выкопали, а зароет Пушкин. Не провались!

— Спасибо! — поблагодарил Антон.

Пиликнул кодовый замок, железно звякнула за спиной Антона дверь, и он резко затормозил у почтовых ящиков.

Ирина Сергеевна полгода назад преставилась. Умерла то есть, деньги на похороны собирали. Перепутал! Хорошо, по имени не обратился! И голос как у нее! Впрочем, все старухи друг на друга похожи, как вялые помидоры.

Антон жил в родительской двухкомнатной квартире. Танька на втором курсе института выскочила замуж. После смерти отца мама к ней переехала, помогала внуков воспитывать. Антону исполнилось тридцать, когда мама погибла под колесами автомобиля пьяного подонка. Сейчас Антону тридцать пять. Пятилетка без маминых инспекторско-санитарных набегов, хозяйство немудреное и откровенно запущенное.

Но сейчас, едва открыв дверь, он унюхал запах, который бывал после маминых визитов. Хлорно-лимонный дух моющего средства, аппетитный аромат борща и запах... запах отсутствия многослойной пыли.

Антон вошел в квартиру. Так и есть, чистота, порядок, постель убрана, подушки на диване в шеренгу, на плите кастрюли с едой, в ванной на веревках белье сушится. Ай да Танька! Что это на нее нашло?

Нажал кнопку автоответчика на телефоне.

Леночка лениво-деловым тоном:

— Кажется, ты мне звонил? Прости, не могла ответить. Сделай еще одну попытку. Целую!

Хитрость белыми нитками шита. Женская гордость не позволяет завопить: «Ты меня бросил?», окольными путями кружит, добирается к его телу.

От Таньки сообщений не было. Антон набрал номер сестры.

— Милая! — с искренним чувством благодарности, замешенным на удивлении, проговорил он. — Ты настоящий друг, товарищ и брат! То есть брат — это я, и я люблю тебя всеми клетками своего истерзанного сердца.

— Денег надо? — осадила сестра. — Сколько?

— Не надо денег! Я хочу выплеснуть на тебя цистерну любви плюс ушат признательности. Танька! Спасибо!

— За что?

— За уборку, готовку и скромный сестринский подвиг. Танька, а как часто ты его можешь повторять?

— Пьешь? — ответила сестра вопросом на вопрос. — В алкоголика превращаешься? Не женился вовремя, теперь сопьешься.

— Трезв как младенец. Ты же у меня сегодня была? Порядок навела, квартиру вылизала, борщ и, — Антон поднял крышку над сковородкой, — и, пожалуйста, котлеты...

— Проспись! У меня дети гриппуют, третий день из дома не выхожу, хотя на работе завал.

— Хочешь сказать, ты ко мне не приезжала и... и ничего тут не делала?

— Докатился! Альфонс! Бабы с тобой стираными портками расплачиваются, а ты даже не догадываешься, кто именно!

Танька бросила трубку. Антон опасливо огляделся. Он, конечно, не альфонс, а также не монах и не эксплуататор женского труда. К попыткам обустроить его быт относится как к мягко накинутой на шею петле. Еще не дернули, не повесили на перекладине под названием ЗАГС, но петельку затягивают, стульчик из-под ног выпихивают.

Кто же здесь похозяйничал? Ключа ни у кого, кроме сестры, нет. Да и представить, что какая-нибудь из знакомых девушек пустилась в авантюру — сняла слепки с ключей, явилась сюда со швабрами и моющими средствами, невозможно. Нет среди его подружек такой тимуровской отличницы. А следы ее подвига есть! Вот под бутылкой с подсолнечным маслом еще утром жирное пятно толщиной в палец красовалось, а ныне отсутствует. И остальное...

Антон еще раз обошел квартиру, заглядывая во все углы. Ему стало нехорошо. На земле нет человека, который бы именно так подвязывал лентой занавески, расставлял фужеры в серванте, стирал полиэтиленовые пакеты и ле-

пил их на кафель сушиться. Никто, кроме мамы... Танька пакеты давно не стирает...

Затренькал телефон, Антон ответил.

— Здорово, старик! Это Витек Федоров. Давно не виделись. Ты как?

— Нормально, — пролепетал Антон.

Витек поболтал о мелочах, вспомнил о книге, которую забыл вернуть. Сказал, что книга завалилась за другие на стеллаже, третья полка снизу. Пусть Антон к его маме наведается, она отдаст. Пожелал здравствовать и отключился.

Антон дико смотрел на телефонную трубку, потом отбросил ее, точно трубка раскалилась.

Витя Федоров утонул в речке, когда они закончили десятый класс. Сдал экзамены в институт, поступил и... На кладбище весь класс пришел, девчонки рыдали...

Почему он не осадил этого кретина? Не сказал: «Розыгрыш не удался!» Струхнул, а тут еще в квартире... Нет, не галлюцинации же это? Тогда что?

Антон бросился в комнату, дрожащими руками вытащил том энциклопедического словаря, мял листы, отыскивая статью «Галлюцинации».

«Обман чувств, ложное восприятие, возникающее без соответствующих внешних раздражителей. (Раздражителей навалом.) Обычно галлюцинации воспринимаются как реальные явления (реальнее не бывает), но возможно и критическое отношение к ним. (Не надо мне борщей! И книг пропавших не надо!) Различают слуховые (Витек!), зрительные (куда ни глянь!) и др. галлюцинации (еще и другие?!). Наблюдаются главным образом при психических заболеваниях».

Галстук давил шею, не хватало воздуха. Антон дернул за ворот рубашки, отскочила верхняя пуговица, покати-лась в угол. Она ему тоже кажется? Или натурально катится?

Спокойно! Надо разобраться! «В чем разбираться? — визжал в голове панический ужас. — Шиза! Абсолютная шиза! Психическое заболевание», — идиотски прохихикал голос.

Два года назад, получая автомобильные права, Антон брал справку в психоневрологическом диспансере. Ему шлепнули печать «На учете не состоит». Теперь, значит, поставят?

— Не сдамся! — погрозил Антон пальцем книжному шкафу.

Бросился на кухню, стал со сковородки есть котлеты. Запихивал их в рот, хотя аппетит давно пропал. Котлеты были нормального котлетного вкуса. Как мама готовила, как он любил, с чесноком и перцем. Антон подавился, закашлялся от мысли: это и есть «др. галлюцинации»?

Распахнул дверцы навесного шкафа, чтобы достать чашку, выпить воды, и... попятился, спиной врезался в плиту. Волосы на голове вдруг словно ожили. Каждый превратился в червяка, задрожал, завибрировал и стал медленно подниматься перпендикулярно черепу.

Трубка! Пачка табака «Золотое руно» и курительная трубка. Антон узнал бы ее среди тысячи других — отцовскую трубку... Белесые следы зубов на кончике мундштука, маленький едва заметный сколок — это он, Антон, когда-то стянул трубку, раскуривал, отец его застукал. Антон, испугавшись, разинул рот, трубка упала, и кусочек отбился. Отец его крепко ругал тогда. Антону казалось, что папа более раздосадован порчей любимой трубки, чем фактом мальчишеской проказы.

Когда отец умер, видеть осиротевшую трубку, отполированную отцовскими пальцами, стало мучительно больно. Антон сам положил трубку в гроб, рядом с локтем то ли левой, то ли правой руки, каменно-твердых, по-покойнически сложенных на груди. Татьяна и мама, опухшие от

слез, согласно закивали — пусть вместе с ним... Вместе с гробом трубка уплыла в печь крематория. А теперь нарисовалась в его кухонном шкафу, рядом с чашками, которые только мама (только она!) так расставляла — этажеркой: блюдце, перевернутая чашка, блюдце, чашка вверх дном...

Антон взвыл, схватился руками за голову, между пальцев противно шевелились волосы-черви. Сполз на пол. Господи! Как же не хотелось сходить с ума! Почему он? За что?

Взглядом уткнулся в сложенную газету и мамины очки. Они лежали на стуле. С позиции «на полу безумно сидя» их было отлично видно. Антон закрыл глаза — одной галлюцинацией больше, одной меньше — значения не имеет. Накатило тупое равнодушие. Пропал ни за грош. В голове что-то — трес! — и получите шизофреника. Коту под хвост карьера, командировка в Италию... Теперь его карьера в психушке на больничной койке будет протекать. «Сестричка, дай утку, Антоша пи-пи хочет сделать...»

Нет! Ну за что? За что? Почему именно он? Звонить в «скорую» или повременить? Действовать или ждать, вдруг рассосется? Антон открыл глаза — декорации не изменились, галлюцинации не рассосались. Как действовать? Скажем, проверить всю эту хрень на ком-нибудь постороннем. «Хрень» вызвала отрыжку противного рыбьего жира. Антон не сквернословил по причине глубоко утвердившегося рефлекса — за плохие слова получишь рыбий жир. Давно канули в Лету времена, когда мама наказывала, а мерзкий привкус остался. И сейчас не пропал. Значит, прежние условные рефлексy действуют. Будем считать это положительным моментом.

На четвереньках он пробрался к телефонному аппарату, стянул трубку, разговаривал сидя под столом.

— Леночка! Зайка, куколка, лапонька! Куда же ты пропала? — Истеричный тон давался Антону без труда. И лу-

кавить в отношениях с женщинами он давно научился. Еще один старый рефлекс благополучно процветал. — Не нахожу себе места! Я тоскую, рыдаю и скулю, как бездомный пес!

Вот это точно, подумал Антон.

— Две недели скулишь? — Лена мумия мумией, а сразу усекала, что он елозит на пузе. Покаяния возжелала.

— Да, милая! В свободное от работы время. А работаю двадцать шесть часов в сутки. Леночка, сколько в сутках часов? Еще немножко осталось? Ты приедешь сейчас ко мне?

— Право, не знаю, — ломалась Лена, — уже поздно, да и добираться далеко.

— На такси, милая, на такси, я оплачу.

Если бы она в эту минуту потребовала жениться, Антон безропотно бы дал клятву. Хотя умалишенных, кажется, не расписывают.

— Ты доезжай до кинотеатра. А там я встречу, таксист не разберется в наших закоулках.

— Да уж! Я вышла за сигаретами и битых три часа блуждала.

— А почему не позвонила? — обиженно воскликнул Антон. — Я ждал, терзался. Думал, ты меня бросила. Лен, ты меня не бросила? Лен, приезжай, ладно?

— Хорошо.

Больше всего Антону хотелось проделать путь до выхода из квартиры на четвереньках или по-пластунски. Но заставил себя подняться и бочком-бочком, по стеночке рванул к двери. Сдернул с вешалки пальто, выдрал с мясом петельку в виде цепочки. Оделся уже на площадке, затрусил по ступенькам вниз. У подъездной двери снизил скорость — отчаянно не хотелось сталкиваться с почившей в бозе Ириной Сергеевной. Чуть приоткрыл дверь — никого. Понесся пулей.

Он выкурил полпачки сигарет, маршируя у кинотеатра. Моросил дождь, углубления на асфальте сливались в одну большую лужу. Зонта у Антона не было, и что станет с дорогушими ботинками — его тоже не волновало. Антон промок, зато дождь прибил шевелящиеся волосы, и они более не совершали попыток встать дыбом.

Вот и Лена. Антон запрыгнул в машину и стал возбужденно, с излишним энтузиазмом подсказывать водителю дорогу. У своего подъезда расплатился и как бы галантно, а на самом деле позорно трусая, пропустил Лену вперед. Вдруг там ошивается покойная соседка? Но они поднялись в квартиру без приключений.

— О! Какой порядок ты навел, — оценила Лена, когда он помог ей снять пальто и она прошествовала вперед.

— Правда? — возликовал Антон. — Ты видишь? Натурально видишь?

— Конечно. Персонально для меня?

— Да, да, да! — Он подскочил к ней и стал осыпать поцелуями. — Пойдем, пойдем дальше!

На кухне Антон поднял крышку сковородки:

— Леночка, что здесь?

— Котлеты.

— Ангел! Ты ангел во плоти! Теперь еще один вопрос. — Он распахнул дверцу шкафа, сам оставаясь за ней, чтобы не видеть злополучной трубки. — Ну? Что там лежит?

— Трубка и табак. Ты стал курить трубку?

Антон снова подскочил к ней, захватил лицо ладонями и обильно усеял поцелуями — при известной доле фантазии это можно было принять за любовную страсть. Но когда Лена стала послушно отзываться, Антон ослабил натиск. Никакого желания предаться сексуальным утехам он не испытывал. Напротив, похолодел от мысли, что Лена, возможно, сама чикчи-рикнутая, и его заразила.

— Лен, у тебя в роду больные по умственной части были? — спросил он подозрительно.

— Нет, что за странный вопрос, — пожала она плечами.

— А шизофрения воздушно-капельным или половым путем не передается?

— Бред!

— Ты точно знаешь?

— К твоему сведению, я вирусолог. Ни микробов, ни вирусов психических заболеваний в природе не существует.

— Слава богу! — перевел Антон дух. — Тогда еще раз, чтобы точно удостовериться, играем в игру «найдите десять отличий». Леночка, какие отличия в моей квартире по сравнению с прежним визитом ты находишь?

Он таскал ее из комнаты в ванную, из ванной в туалет и в другую комнату. Лена методично перечисляла отличия — запущенного логова холостяка от квартиры, убранной заботливой рукой. Пробежка закончилась там, где началась, — на кухне.

— Мы видим одно и то же! — радостно подвел итог Антон.

— Естественно. Что вообще происходит? Ты какой-то сегодня странный.

— Я расскажу. Только тебе, по секрету. Ты умная, трезвая, как птица-секретарь. Это моя любимая с детства птичка, — спохватился Антон. — Садись! Осторожно, там мамы очки. Котлет хочешь? А борща? Не хочешь? Идея! Давай выпьем. У меня есть водка. Тебе коктейль, с соком?

Антон достал из морозильника бутылку. Он был готов поклясться — количество спиртного заметно уменьшилось. Была чуть початая бутылка, теперь половина. Кто отпил?

— Ты с таким интересом уже минуту рассматриваешь бутылку, — подала голос Лена. — Что в ней особенного?

— Ничего, чепуха. Мне водки не жалко. Подумаешь, пусть пьют, если борщи варят.

— Не понимаю тебя. — Лена отхлебнула коктейля.

Антон опрокинул рюмку, шумно выдохнул и принялся рассказывать.

Он не мог говорить спокойно и взвешенно, пытался шутить, но юмор не давался. Метался по кухне и двадцать раз пересказывал случившееся за вечер, призывал Лену подтвердить, что доказательства потустороннего вмешательства она видит своими глазами.

Наконец он затих, рухнул на стул, пристально уставился на Лену:

— Что ты думаешь по этому поводу?

Она медленно достала из пачки очередную сигарету, прикурила и столбом пустила дым к потолку. Антон курил немного, от сегодняшней ударной дозы его мутило, и он внутренне испытывал брезгливость к курящим женщинам, от которых разило, как из пепельницы с бычками, залитыми духами. Он бы никогда не женился на курящей особе, не завел детей и не доверил заботу о своем драгоценном здоровье. Но в данный момент возьми Лена три сигареты в рот — он бы благословил и спичку поднес. Хотя раньше отмечал, что эта девушка, сделанная из гладкого непробиваемого гранита, имеет только одну трещину — наркотическое пристрастие к табаку.

— Итак? — поторопил Антон.

— Итак, — повторила Лена, — к тебе приходят покойники, звонят тебе, сталкиваются на улице?

— Да! Бред, но так получается.

— Ну и что?

— Как что? — оторопел Антон. — К тебе, скажем, не приходят, вообще ни к кому. А ко мне почему?

— Вопрос «почему?» может быть гносеологически запутан, и без дополнительной информации ответ невозможен. Пока мы способны анализировать факты.

— Анализируй, — кивнул Антон.